

норском. Одну старушку, что принесла чинить чайник, он привел в смятение — почил за полчаса, а спросил всего три копейки, когда другие брали за работу 30—40 копеек. Старушка была соvestливая — протянула серебряную полтину, но мастер отсчитал 47 копеек сдачи и сказал, что «на чай» не берет.

Как он выглядел? Очевидцы описывают старика, который летними вечерами прогуливался по улице, привлекая внимание белой окладистой бородой и черной шляпой, каких в Кузнецке не носили. Среднего роста, коренастый, обладавший большой физической силой, он внушал доверие и симпатно проинцательным взглядом больших серо-голубых глаз. Улыбался и смеялся редко. Большая духовная сила чувствовалась в нем.

Любил ли он людей? Вот выдержка из недавно полученного от того же А. И. Полосухина письма, которое сопровождали уникальные фотографии: «Это дом по улице В. Полосухина (бывшей Зеленой улице), в котором проживало все наше семейство. В этом доме часто бывал с 1909 по 1911 год Обнорский, который был очень дружен с моим отцом. А это — Мария Семеновна, — родительница нашей династии, «крестьянская дочь» из деревни Куртуково. Когда умер отец, она осталась с восьмью детьми на руках. Работала прачкой и кухаркой. Тогда-то Виктор Павлович и поддерживал наше семейство как только мог. Он же помог нам похоронить отца, и я помню, как он меня утешал, совсем маленького, напуганного косматым священником, который размахивал кадиллом. Когда мне было 10—11 лет, я часто бывал у Обнорского

в мастерской, любил смотреть, как он работает. Я очень хорошо помню этого обаятельного и доброго человека. Я горжусь тем, что мне довелось в 1950 году впервые внести точность в биографию этого патриарха рабочего

Василий Степанович Станкеев (племянник Н. Н. Станкеева). Позже В. С. Станкеев в своих воспоминаниях рассказывал, что Обнорский, который в то время некоторым образом опекал его, напутствовал: «Воевать-то надо, толь-

дому, двери надежно запирались. О чем говорили друзья? Участников бесед уж нет в живых, и кто теперь скажет...»

И вот — свершилось. Царизм пал. В Кузнецке — ликование. Обнорский забро-

тий? Разве можно было бы так внезапно переключиться с ремонта чайников и с мирных прогулок на бурную общественную деятельность?

И вновь свершилось. Взят Зимний. Дожил-таки до победы революционер Обнорский. Ему было почти семьдесят. Помнил ли первые раскаты революции убежденный сединами старец, заплаканный своей жизнью за ее торжество? Помнил ли, как ожидал в Петропавловской крепости суда несправедного? Помнил. Вернувшийся в Кузнецк молодой Станкеев только дивился, на него глядя: «С Обнорским сделалось что-то невероятное. Этот старый, закаленный в борьбе революционер, который так много выстрадал и так стойко переносил жизненные невзгоды, узнав, что рабочий класс взял власть в свои руки, плакал от радости навзрыд, как ребенок. Хмурость его исчезла. Он постоянно бывал на митингах и собраниях и даже выступал с речами. Во время Первого Совдепа он любил повторять: «И мы не праздны в мире жили». Он был неутомим».

Но грянула колчаковщина. К. А. Кобелев вспоминает: «Виктор Павлович сразу осунулся, словно что-то в нем оборвалось. Он твердил: «Много крови прольется». В январе 1919 года на частной подводе друзья отправили Обнорского в Томск, в больницу. У него было тяжелое заболевание. Сто пятьдесят верст зимнего пути до станции Кольчугино. На железной дороге хозяйничают колчаковцы. Томск. Городская больница приказа общественного призрения по Московскому тракту № 2 (ныне хирургическое отделение первой детской больницы). Одиноким старик пишет в Кузнецк редкие письма: «8

апреля 1919 года. О себе скажу, что улучшения никакого, слабость невероятная. Могу пройти немного, придерживаясь за стенку да мебель. Лежу и думаю, как же я буду тянуть дальше и где? Жить в Томске далее невозможно». И за три дня до смерти: «положение мое не так удачно. Живите хорошо!».

По запросу А. И. Полосухина в 1941 году Томский загс выдал такое удостоверение: «Сообщаем, что по книге больницы Николаевской церкви за 1919 год под № 52 части третьей значится запись о смерти гражданина Забайкальской области Виктора Павловича Обнорского 66 лет, умершего 16 апреля, а погребенного 24 апреля 1919 года на Преображенском кладбище города Томска». Добавим, — в братской могиле, которой теперь не сыскать, потому что и кладбища-то этого уж нет.

...Я пошла к памятнику Обнорского в Новокузнецке. Спокойный, бронзовый стоит он на пьедестале. Пошла на улицу Обнорского. Поглядела на табличку с его именем и увидела не только старика с окладистой бородой с фотографии, что хранится в семье Полосухиных, но и того, двадцатипятилетнего, что так стойко стоял перед судом. Борца, который до конца жизни говорил о себе: «Моя семья — весь рабочий класс».

Мы должны быть благодарны А. И. Полосухину, публикация которого и увлекательный рассказ как бы высвободили из бронзы Обнорского — человека — одного из «буревестников» Революции.

М. КУШНИКОВА.

г. Новокузнецк.

В ДОКУМЕНТАХ, В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

«И МЫ НЕ ПРАЗДНО В МИРЕ ЖИЛИ»

С городом Новокузнецком связано славно имя петербургского рабочего Виктора Павловича Обнорского, который вместе с революционером Степаном Халтуриним создал в 1878 году первую в России рабочую организацию «Северный Союз русских рабочих», успешную выпустить всего один номер газеты «Рабочая заря». В 1889 году за свою революционную деятельность В. П. Об-

норский был приговорен царским судом к десяти годам сибирской каторги.

Долгое время а последних годах жизни Обнорского после каторги — годах жизни в Кузнецке (1909—1919) ничего не было известно.

В 1950 году в журнале «Сибирские огни» № 5 была опубликована статья А. И. Полосухина «В. П. Обнорский в Кузнецке». Автор ее знал Обнорского и описал этот период.

революционного движения России и рассказать о десятилетнем кузнецком периоде его жизни, приведя воспоминания, устные и письменные, многих старожилов Кузнецка. Это был мой долг и долг всей нашей семьи Полосухиных перед Обнорским».

Он выписывал и регулярно читал газеты и очень нервничал, когда газеты запаздывали. Жадно ловил вести из Петрограда, от самого костра событий. Задыхался вдали от этого костра, в котором пылало зажженное и им пламя!

В 1915 году к нему зашел проститься перед отправкой на фронт молодой учитель

ко не с немцами, а с царским самодержавием. Представьте, что получилось бы, если миллионы солдат обратили бы штыки против царя — какая это была бы огромная, небывалая победа рабочего класса. Идите! Возьмите винтовки и вернитесь к рабочим. Час расплаты с царизмом близок».

Нет, на политические темы он открыто ни с кем не беседовал. О самом заветном говорил с очень узким кругом доверенных друзей (Н. Н. Станкеев, И. С. Коквин, Б. М. Борисенко), причем бывал до конспираторски осторожен. Все посторонние должны были уйти из

сил свой слесарный инструмент и окунулся в закипающую общественную жизнь города. Он снял привычную рубаху-толстовку и надел пиджак. Он часто председательствовал на общих собраниях горожан в Народном доме. Он выступал с пламенными речами, — и удивительно — призывал к установлению власти пролетариата, что было чрезвычайно созвучно только что выдвинутому в Петрограде ленинскому лозунгу. Так что очень ли запаздывали вести из Петрограда в Кузнецк, и так ли уж оторвался за последние 8 лет Обнорский от петроградского очага собы-